

И. С. БАЛАБАНОВИЧ

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ
В ПОЭЗИИ А. КУШНЕРА ПЕРЕСТРОЕЧНОГО ПЕРИОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ЖИВАЯ ИЗГОРОДЬ»)**

В качестве яркой черты поэтики А. С. Кушнера, известного петербургского поэта, переводчика, эссеиста, многие исследователи отмечают «чуждость к поэтическому опыту предшественников» [5, с. 390], «стремление впитать и переработать духовный опыт предшественников, подключаясь к европейской культурной традиции» [7, с. 305]. Это стремление в его лирике часто реализуется посредством литературной переключки, которую сам поэт понимает как «процесс закономерный, естественный и неизбежный» [3, с. 85].

Представляется целесообразным исследовать феномен литературной переключки с позиций методологии теории интертекстуальности.

Нами была предпринята попытка рассмотрения интертекстуальной организации лирики А. С. Кушнера перестроечного периода на материале сборника «Живая изгородь» (1988) [4], в котором в полной мере «отразились настроения инакомыслящего интеллигента в условиях духовного раскрепощения, начавшихся в обществе преобразований» [6, с. 130] в период гласности.

В сборнике «Живая изгородь» в целом направленность произведений, вовлекаемых поэтом в переключку, не изменяется в сравнении с советским периодом: это тексты античных авторов, классиков зарубежной литературы и русской литературы XVIII–XIX вв., представителей Серебряного века, русских литераторов XX в. Наибольшей частотностью отличаются обращения к творчеству А. С. Пушкина (в советский период Пушкин также был самым цитируемым в стихах Кушнера автором), О. Э. Мандельштама, Ф. И. Тютчева, И. Ф. Анненского, А. А. Ахматовой, Л. Н. Толстого, а также к Библии.

Точных цитат, характеризующихся тождественным воспроизведением образца, в «Живой изгороди» сравнительно немного. Таким способом А. С. Кушнер в основном вводит «чужое слово», взятое из наиболее авторитетных источников: произведений А. С. Пушкина и Библии.

Точную цитату без атрибуции из известного стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» находим в стихотворении «И если можно „друг степей“...» [4, с. 77]. Вычленив из пушкинского текста метафору «друг степей», А. С. Кушнер начинает конструировать

другие подобные сочетания с опорным компонентом «друг»: «другом яблок» он называет живописца П. Сезанна, «другом народа» — М. Робеспьера, «другом флейты и фагота» — композитора Д. Шостаковича, потом шутливо именуется себя «другом Невы» и — реализуя парадигматические связи слова «друг» — «врагом труда». В конце языковая игра приводит к воспроизведению устойчивого сочетания «враг народа», связанного в памяти с жестокостью сталинских репрессий.

В другом стихотворении в кушнеровский текст введен точно воспроизведенный дошедший до нас фрагмент сочинения неизвестного древнеримского поэта-неотерика. Цитата становится «трамплином» для развития собственной поэтической мысли А. С. Кушнера, который противопоставляет тесное, «окультуренное» пространство античного сада с тенистыми инжирами бесконечному простору России. Но простор, размах ничуть не привлекают лирического героя, наоборот, вызывают стремление все «зарифмовать» и «обжить», потому что «страшно // вспомнить, как низко цена падает вдруг на людей // Там, где не считан простор» [4, с. 113] (снова тема тоталитаристского советского прошлого).

Более частотны цитаты с нетождественным воспроизведением образца, которые у А. С. Кушнера могут быть как атрибутированными, так и неатрибутированными. Такие цитаты могут выполнять текстообразующую функцию. Так, на основе незакавыченной цитаты с неопределенной атрибуцией строится текст стихотворения «История не учит ничему...». «История не учит ничему, // Но, как сказал историк, — и ему // Не верить нет причины, — за незнанье // История наказывает нас» [4, с. 21], — пишет А. С. Кушнер, приводя в качестве тезиса высказывание В. О. Ключевского (который в тексте стихотворения расширительно назван «историком»). Поэт соотносит историю с учительницей, воспитательницей, тем самым продолжая развивать заданную «чужим словом» метафору. Главный фокус этой развернутой метафоры, на которой строится все стихотворение, дополняется развивающимися: «анналы истории — учебники», «мы, люди — ученики». Именно этот последний фокус и оказывается наиболее важным в реализации идейного содержания стихотворения: А. С. Кушнер призывает современников-соучеников: «Подумай. Сядь. Не ерзай. Запиши» [4, с. 21].

Подобного рода цитаты с неточным воспроизведением образца чаще выполняют более скромную роль в стихотворениях. Они могут функционировать как некий тезис, который А. С. Кушнером подтверждается или опровергается. Но цитаты могут маркировать и более сложное взаимодействие текстов, при котором А. С. Кушнер не просто соглашается / не соглашается с чьим-то мнением, но дополняет, обогащает смысл претекста. К примеру, утверждая идеал человека познающего и человека творящего, через искусство становящегося подобным Творцу, А. С. Кушнер обраща-

ется к стихотворению Ф. И. Тютчева «Последний катаклизм»: «И если божий лик // И впрямь когда-нибудь отобразится здесь, // В огромном зеркале, то вспыхнет в тот же миг // В нем человеческий бессчетный облик весь» [4, с. 106].

Очень интересен «диалог» А. С. Кушнера с Катуллом в стихотворении «Как писал Катулл, пропадает голос...». Кушнер утверждает, что то чувство, которое античный предшественник считал любовью, на самом деле всего лишь влюбленность: «Как писал Катулл, пропадает голос, // Отлетает слух, изменяет зренье // Рядом с тобой, чья речь и волшебный образ // Так и этак тешат нас в отдаленье. <...> Не любовь, Катулл, это, а влюбленность. <...> „Звон и шум, — писал ты, — в ушах заглохших, / И затмились очи ночью тенью...“ // О, дожить до любви! До великих новшеств!» [4, с. 96]. В тексте видим заковыченные и незаковыченные цитаты из стихотворения Катулла «*Ille mi par esse deo videtur...*». Стоит, вероятно, отметить, что само стихотворение Катулла является переложением Сафо: «Богу равным кажется мне по счастью...». Однако в стихотворении А. С. Кушнера можно заметить и отсылку к другому произведению Катулла — стихотворению «И ненавижу ее и люблю...», благодаря которой наш современник как бы подчеркивает, что во все времена люди испытывали сходные чувства, а следовательно, поэт XX в. имеет право на диалог с великим предшественником, отделенным от него сотнями лет, но не разницей человеческих отношений. Интересно, что в качестве свидетельства своей правоты касательно свойств чувства влюбленности (противопоставляемого настоящей любви) А. С. Кушнер использует аллюзию с расширенной атрибуцией, отсылающую к творчеству поэта Серебряного века М. А. Кузмина: «Наш поэт даже книгу назвал так: „Сети“» [4, с. 96].

Количественно в сборнике «Живая изгородь» над цитатами преобладают аллюзии. В качестве аллюзий можно рассматривать простые упоминания А. С. Кушнером имен предшественников: Эсхила, А. А. Ахматовой, А. С. Пушкина и др. А. С. Кушнер живо ощущает связь со многими поэтами, творившими до него. Увидев на лесной дороге бабочек-траурниц, автор представляет, что они зачитывают некий поминальный список, состоящий из имен известных стихотворцев: «Александра [Блока], Евгения [Баратынского], Федора [Тютчева] сами прочтут // Имена, а затем им придется трудней: Афанасий [Фет], // Иннокентий [Анненский]...» [4, с. 45].

Отличительной чертой сборника «Живая изгородь» является интерес к деталям биографий авторов, вовлекаемых в переключку. Чаще всего А. С. Кушнер использует реминисценции не в чистом виде, а в совокупности с иными приемами создания интертекстуальности (в частности, с аллюзиями). Этим вызвано обращение к произведениям, носящим автобиографический характер.

Подобное обращение к автобиографическим текстам осуществляется в стихотворении «Читая Набокова, думал о том...». Поэт в нем доказывает, что материальное благополучие не делает человека счастливым, что материальные блага преходящи. В качестве доказательства приводятся биографии В. В. Набокова и Ю. В. Трифонова, причем узнаваемы эпизоды из автобиографической книги В. В. Набокова «Другие берега» и повести Ю. В. Трифонова «Дом на набережной».

Частотны в сборнике «Живая изгородь» и аллюзии, отсылающие к конкретным произведениям, не связанные с подробностями биографий авторов-предшественников. Такие аллюзии могут быть атрибутированными, маркированными, но могут вводиться в тексты стихотворений совершенно незаметно, органично вписываясь в канву того или иного произведения. В этом случае читатель должен сам идентифицировать претекст, почувствовать отсылку к нему. Как правило, таким образом осуществляется переключка с наиболее известными текстами, которые можно отнести к ряду прецедентных, например, трагедии Шекспира «Гамлет, принц датский» (стихотворения «Ты горишь, Колизей, как большой ресторанный пирог...», «Та мысль, те образы, что отгоняем днем...»). Аллюзия может указывать на претекст, отсылая к названию какого-либо художественного целого (произведения, цикла, сборника) или к образу, детали из претекста. К примеру, раскрывая символическое содержание образа кипариса, лирический герой А. С. Кушнера не может не вспомнить о сборнике И. Ф. Анненского «Кипарисовый ларец»: «Я черный кипарис за то еще люблю... // Что вспомню про ларец и запах уловлю // Бессонных тех стихов, разбитых на тройчатки» [4, с. 103].

К роману Л. Н. Толстого «Война и мир» у А. С. Кушнера отсылает «нянин сундук, на котором в Ростовской семье // Оплакивать детские принято было обиды» [4, с. 23], к «Трилистнику сентиментальному» И. Ф. Анненского, объединившему стихотворения «Одуванчик», «Старая шарманка» и «Вербная неделя», — образы девочки в зеленом кушаке (из «Одуванчиков») и шарманки («Старая шарманка»), а к его же стихотворению «Смычок и струны» — образ скрипки (см. стихотворение А. С. Кушнера «Размашистый совхоз Темрюкского района...» [4, с. 116]).

В стихотворении «Видов рая больше, чем вы думаете...» А. С. Кушнер обозначает теннисный корт как один из «видов рая». Утверждая новизну собственного открытия, поэт обращается к «Божественной комедии» Данте Алигьери: «Вот куда ни разу не заглядывал // Флорентиец, за руку ведомый!» [4, с. 100].

В стихотворениях «Живой изгороди» несколько чаще, чем в стихотворениях советского периода, А. С. Кушнер реализует метатекстуальные свя-

зи. В подавляющем большинстве случаев он создает конструкции «текст о тексте», предполагающие метатекстуальное комментирование претекста.

Например, в стихотворении «Мне интересней читать в дневнике...» [4, с. 81] сравнивается проза Гончарова (вся в целом) с одной лишь записью в дневнике петербургского историка литературы и цензора А. В. Никитенко, причем последняя признается более интересной. Через оценку чужих текстов А. С. Кушнер утверждает свою художественную позицию, как бы подтверждая значимость точного обозначения мелких бытовых деталей в литературе (за что, кстати, кушнеровская поэтика была подвержена жесткой критике после выхода дебютного сборника «Первое впечатление»).

Нечто сходное находим в стихотворении «Мне, Плиний, мне позволь задание твое...». Оно построено на метатекстуальной связи с письмом Плиния Младшего Канинию Руфу, в котором Плиний излагает сюжет и рекомендует Канинию использовать его в каком-нибудь произведении. А. С. Кушнер вступает в прямой диалог с адресантом письма и просит: «Мне, Плиний, мне позволь задание твое // Исполнить» [4, с. 114], обосновывая это тем, что адресат письма, Руф, думает, что его времена «нуждаются в стихах широкого звучанья» (в духе воспевания походов на Дунай) [4, с. 114]. Тем самым А. С. Кушнер достаточно четко обозначает свою эстетическую позицию: труд поэта он видит в воспроизведении такого рода историй, чуждых героике, но достоверных и точных. Стихотворение включает поэтическое переложение истории, содержащейся в письме Плиния, то есть, по сути, поэт просит разрешения на воспроизведение фрагмента письма в своих стихах и воспроизводит его одновременно. В конце поэт возвращается в окружающую его действительность и уже с позиций XX в. смотрит на времена Плиния как на прошлое, с которым, однако, теснейшим образом переплетено настоящее. На основании этого делается вывод о вневременной ценности добра и красоты, которые прославляются сюжетом, рекомендованным Плинием.

Метатекстуальный комментарий у А. С. Кушнера может относиться не только к содержанию, но и к формальной организации претекстов. В стихотворении «На Невском — гулкий лес Казанского собора...» А. С. Кушнер вербализует свойственную слову «время» «память рифмы», отсылая к стихотворению А. С. Пушкина «Телега жизни», содержащему рифму «время — бремя». Для А. С. Кушнера вообще важно формальное соотнесение своих произведений с предшествующими литературными образцами, он не просто использует «чужие» формы, но постоянно подчеркивает их, стремится сделать их выпуклыми, заметными, комментирует для читателя. Например, в стихотворении «О, не так уж важно, не так уж важно...» поэт комментирует свой текст как воспроизводящий устойчивую ритмическую формулу, при этом способность ее идентифицировать свиде-

тельствует, по его мнению, о читательской компетентности: «Здесь я пользуюсь метром чужим, разноstopным, // Тот, кто любит стихи, отгадает мгновенно» [4, с. 97].

Что касается реализации паратекстуальных связей, следует отметить, что трем стихотворениям «Живой изгороди» предписаны эпитафии.

Интересна роль эпитафии в стихотворении «Там реки чистые текут...». Само стихотворение начинается указательным местоимением *там*, поэтому эпитафия еще до первой строчки собственного кушнеровского текста вводит место развития лирической ситуации: «в тени невянущих дубров...». Это отсылка к стихотворению Е. А. Баратынского «Запустение». Так создается впечатление единства хронотопов стихотворений А. С. Кушнера и Е. А. Баратынского. А. С. Кушнер как бы предъявляет свои требования к раю. Интересно, что среди прочего в описании этого неназванного пространства фигурирует следующая деталь: «Там Баратынского печали не гнетут» [4, с. 14], это уже атрибутированная аллюзия на стихотворение Е. А. Баратынского «Хор, петый в день именин дяденьки Богдана Андреевича Баратынского его маленькими племянницами Панчулидзевыми» [1, с. 257–258].

Стихотворение «Не слишком сложен был профессорский вопрос...» повествует о студенте, не ответившем на экзамене на вопрос об Эсхиле. Упоминание о том, что этот студент «когда-то жил уже, дружил во тьме веков // С Эсхилом-грузчиком, Софоклом-лесорубом» [4, с. 131], являющееся аллюзией на стихотворение О. Э. Мандельштама «Где связанный и пригвожденный стон?..», отсылает читателя к эпитафии из О. Э. Мандельштама («Но эти губы вводят прямо в суть // Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба...»), поясняя, что студент — это сам О. Э. Мандельштам.

А. С. Кушнера вообще интересует биография О. Э. Мандельштама. Стихотворение «Не слишком сложен был профессорский вопрос...» не единственное к ней обращение в «Живой изгороди». Стихотворение «Гадание», как подчеркивает А. В. Кулагин, навеяно судьбой О. Э. Мандельштама [2, с. 92]; оно описывает сцену гадания, в ходе которой некая Амалия Францевна предсказывает женщине ее судьбу и судьбу ее сына, вписывая их в контекст судьбы всей страны: «Он будет, как это сказать, сочинять по складам. // Как мюзик... печальный, такой необычный судьба!» [4, с. 22].

Стоит, вероятно, отметить, что в «Живой изгороди» А. С. Кушнер обратился к такому жанру, как подражание. Стихотворение «Подражание древнекитайскому» [4, с. 122] можно рассматривать как попытку А. С. Кушнера включить свою поэзию в контекст, более широкий, чем контекст античной и европейской литературы и культуры.

Можно отметить, что в перестроечный и постперестроечный период поэзия А. С. Кушнера не утратила связь с русской классикой XIX и XX вв.,

свойственную стихам советского периода. Неизменным остался и интерес к античным авторам, а также наиболее авторитетным зарубежным (переключка с которыми ведется не так активно, как с русскими, на протяжении обоих периодов). По-прежнему интертекстуальные элементы выполняют в стихотворениях конструктивную функцию, органично включаясь в канву кушнеровских стихотворений. Несколько усиливается интерес к Библии, что может быть объяснено возросшим в советском обществе в годы перестройки интересом к проблемам религии. Значительно увеличивается количество реминисценций, обращений к биографиям поэтов и писателей, что говорит о возникновении интереса к авторам-предшественникам как личностям, некогда жившим людям. Кроме того, наблюдается тенденция к усилению коммуникативности интертекстуальных единиц (т. е. увеличению степени осознанности интертекстуальной отсылки со стороны автора) и рефлексивности (А. С. Кушнер не только осознанно и явно маркирует интертекстуальные отсылки, но и уделяет особое значение метакоммуникативному аспекту, т. е. разъясняет обусловленность интертекстуальной включенности другого текста), что ведет к увеличению удельной доли метатекстуальных связей в общем межтекстовом взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений: в 2 т. — Ленинград, 1936. — Т. 1.
2. *Кулагин А. В.* «Я в этом городе провел всю жизнь свою...»: Поэтический Петербург Александра Кушнера. — Коломна, 2014.
3. *Кушнер А. С.* Аполлон в снегу: Заметки на полях. — Ленинград, 1991.
4. *Кушнер А. С.* Живая изгородь: Книга стихов. — Ленинград, 1988.
5. *Пьяных М. Ф.* Кушнер Александр Семенович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библ. словарь: в 3 т. — Москва, 2005. — Т. 2. — С. 389–392.
6. *Скоропанова И. С.* Поэзия в годы гласности: пособие для учителя. — Минск, 1993.
7. *Скоропанова И. С.* Поэтическая философия Александра Кушнера // Выбранные научные работы Бел. дзярж. ун-та: у 7 т. — Мінск, 2001. — Т. 2: Гісторыя. Філалогія. Журналістыка. — С. 304–314.